

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 556–561

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 556–561

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-556-561>, EDN: WWJRTV

Научная статья

УДК [322+061.2](470.44)|19|+929Ярославский

Роль Емельяна Михайловича Ярославского в антирелигиозной кампании 1930-х гг. (на примере Саратовского Поволжья)

Ж. В. Яковлева

Саратовский областной институт развития образования, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Большая Горная, д. 1

Яковлева Жанна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования, zhanna.yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, Author ID: 907393

Аннотация. В статье на основе архивных материалов анализируются деятельность Союза воинствующих безбожников в Саратовском Поволжье и роль руководителя данной организации в 1930-е гг. Е. М. Ярославского. Приводятся примеры деятельности организации как в рамках антирелигиозной агитации и пропаганды коммунистической идеологии, так и в качестве инициатора закрытия церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий. Дается характеристика Емельяна Ярославского как главного идеолога государственного атеизма. Рассматривается практика закрытия церквей и молитвенных домов с нарушением советского законодательства, а также действия партийных и советских структур, которые шли вразрез с заявленными директивами. Опираясь на архивные материалы, автор формулирует вывод о том, что власть, приостановив легальную деятельность всех конфессий в Саратовском Поволжье к началу 1940-х гг., не смогла подавить религиозную жизнь, которая приобрела новые формы, а агитация и пропаганда, в том числе, организациями Союза воинствующих безбожников, внесли существенный вклад в формирование атеистического мировоззрения населения.

Ключевые слова: Союз воинствующих безбожников, антирелигиозная кампания, Емельян Ярославский, Саратовское Поволжье, церковь, антирелигиозная агитация и пропаганда

Для цитирования: Яковлева Ж. В. Роль Емельяна Михайловича Ярославского в антирелигиозной кампании 1930-х гг. (на примере Саратовского Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 556–561. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-556-561>, EDN: WWJRTV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of Emelyan Mikhailovich Yaroslavsky in the anti-religious campaign of the 1930s (By the example of the Saratov Volga region)

J. V. Yakovleva

Saratov Regional Institute for the Development of Education, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia

Zhanna V. Yakovleva, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, Author ID: 907393

Abstract. Based on archival materials, the author of the article analyzes the activities of the Union of Militant Atheists in the Saratov Volga region and the role of the leader of this organization in the 1930s. Examples of the activities of the organization are given, both within the framework of anti-religious agitation and propaganda of the communist ideology, and as an initiator of the closure of churches and prayer houses of all faiths. Emelyan Yaroslavsky is characterized as the main ideologist of state atheism. The practice of closing churches and prayer houses in violation of Soviet legislation, as well as the actions of party and Soviet structures that were contrary to the declared directives, are analyzed. Based on archival materials, the author of the article concludes that the authorities, having suspended the legal activities of all confessions in the Saratov Volga region by the beginning of the 1940s, could not suppress religious life, which took on new forms, and agitation and propaganda, including organizations of the Union of Militant Atheists, made a significant contribution to the formation of an atheistic worldview of the population.

Keywords: Union of militant atheists, anti-religious campaign, Emelyan Yaroslavsky, Saratov Volga region, church, anti-religious agitation and propaganda

For citation: Yakovleva J. V. The role of Emelyan Mikhailovich Yaroslavsky in the anti-religious campaign of the 1930s (By the example of the Saratov Volga region). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 556–561 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-556-561>, EDN: WWJRTV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

К концу 1920-х гг. Саратовское Поволжье представляло собой сложный и уникальный конгломерат многих народов, религий и культур, взаимовлияние которых вносило существенный вклад в хозяйственный и культурный облик региона [1].

Несмотря на антирелигиозную политику советского государства, после 1917 г. уровень религиозности населения оставался высоким. Антирелигиозным воспитанием занимались многие структуры: коммунистическая партия, комсомол, профсоюзы. Эта работа должна была проводиться на производстве, в школе и вузах. Однако главная роль антирелигиозного флагамена отводилась специальной организации – Союзу безбожников.

Союз безбожников оформился в 1925 г. на основе общества друзей газеты «Безбожник», основанной в 1922 г. Во второй половине 1920-х гг. происходит его становление, образуются структуры в регионах, создаются первичные организации [2].

Деятельность Союза воинствующих безбожников (далее – СВБ) и Постоянной комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме Всероссийского ЦИК (с 1934 г. – ЦИК СССР) нашла отражение в современной историографии. Наибольший интерес представляют труды Б. Н. Коновалова [3], С. В. Покровской [2], А. С. Кочетовой [4], О. Б. Приказчиковой [5]. Среди работ, посвященных региональным исследованиям, можно выделить монографию В. С. Батченко [6] и диссертацию А. В. Проскуриной [7].

С 1929 г. начался новый виток антирелигиозной кампании, который требовал усиления антирелигиозной пропаганды и агитации. Поэтому перед Союзом безбожников ставятся новые задачи. II съезд Союза безбожников переименовал «Союз безбожников» в «Союз воинствующих безбожников СССР» (далее – СВБ), принял новую редакцию Устава СВБ СССР. Руководителем этой организации долгие годы был Емельян Михайлович Ярославский.

С 1929 г. СВБ существенно активизирует работу по пропаганде атеизма, созданию антирелигиозных музеев и выставок, выпуску научной и научно-популярной литературы, а также ряда периодических изданий (газета «Безбожник», журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Юные безбожники» и другие печатные издания на различных языках народов СССР). Издательство «Безбожник» (впоследствии – Государственное издательство антирелигиозной литературы (ГАИЗ)) выпускало большое количество пропагандистской антирелигиозной литературы. СВБ ставил своей целью идейную борьбу с религией во всех ее проявлениях [8]. Не последнюю роль местные организации СВБ играли в агитации за закрытие церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий. Так, например, планами Нижневолжского краевого совета СВБ и СВБ Немреспублики на 1931 г. преду-

сматривались сбор подписей за закрытие церквей, проведение в резолюциях постановлений за снятие колоколов, прекращение колокольного звона, снятие икон в избах, усиление агитации и пропаганды в канун религиозных праздников [9, л. 2].

Следует, однако, отметить, что как СВБ в целом, так и его организации в регионах и на местах, в своих действиях не были самостоятельны, они подчинялись партийным организациям и директивам. Сам СВБ замыкался на ЦК ВКП (б), а его организации – на региональные и местные парторганизации соответствующего уровня. СВБ являлся лишь инструментом партийной политики.

Уже с середины 1920-х гг. в советском государстве красной линией стал проходить тезис о контрреволюционной роли всякой религии, ее враждебности социалистическому строительству и единству «церковников» как класса угнетателей в борьбе за социализм [10, л. 43; 11, л. 107; 12, л. 19]. В Поволжской правде за 1929 г. была опубликована статья о засоренности классово-чуждыми элементами педагогического состава школы-девятилетки г. Покровска – из 38 педагогов 20 человек были «безусловно, не советскими». Среди таких «не советских» были дети священнослужителей, священнослужители, бывший эсер, бывшие крупные торговцы и землевладельцы и другие «классово-чуждые» элементы, не вписывающиеся в советскую систему. За это директор школы И. И. Корман был снят со своей должности, а педагогический состав в дальнейшем должен был подвергнуться обновлению. При обследовании школы оказалось, что четвертая часть учащихся религиозна. Статья завершается обличительным призывом: «Вас судим, гр. Корман, – встаньте и отвечайте советской общественности!» [13, с. 3].

В беседе с американской делегацией профессоров 13 июля 1932 г. Е. М. Ярославский на вопрос «какие успехи имеет ваша антирелигиозная кампания в массах крестьянства?» ответил: «Мы не ведем антирелигиозной кампании сейчас. Кампания предполагает, что мы поставили себе какую-нибудь временную задачу и проводим ее особыми средствами. Мы же ведем систематически, изо дня в день, антирелигиозную пропаганду и организацию тех масс, которые хотят вести эту антирелигиозную пропаганду» [14, л. 19].

Слова лидера Центрального Совета СВБ служат доказательством правомерности постановки знака равенства между действиями государства в отношении церкви и веры в 1930-е гг., когда с помощью особых средств – административного нажима и массовой агитации и пропаганды – достигалось построение атеистического общества, и понятием *антирелигиозная кампания*.

Профессор Дэвис из делегации профессоров в 1932 г. (видимо, речь в архивном документе идет

о Роберте Уильяме Дэвисе, британском историке, профессоре экономической советологии. – Ж. Я.) задал главному безбожнику страны Ярославскому вопрос: «Не думаете ли Вы, что борьба против религии, не так важна, как против капитализма?» Ярославский ответил: «Мы не отделяем борьбы против капитализма от борьбы против религии» [15, л. 25].

Кроме активной антирелигиозной агитации и пропаганды, структуры СВБ вместе со всей советской журналистикой принимали активное участие в формировании в общественном сознании мифа о прозорливости, мудрости, справедливости, безграничной любви и близости к народу первых лиц государства. Однако, несмотря на агитацию и пропаганду, ропот в народе присутствовал. Вот что пишет о приезде 6 июля 1930 г. в г. Саратов М. И. Калинина типичный обыватель Саратова М. Д. Соколов. Калинин должен был выступить перед народом с речью, но он вышел на балкон городского театра (на месте городского театра г. Саратова теперь находится современный академический театр оперы и балета. – Ж. Я.), раскланялся, извинился за то, что не может ничего сказать и ушел обратно в театр [16, с. 134–135]. «Сволочь, и говорить с нами не хочет» [11, с. 135], – выразили свое недовольство многие присутствующие на площади. На следующий день в «Поволжской правде» была опубликована статья о том, что прошла встреча трудящихся с мужиком из Тверской губернии – М. И. Калининым, но главным во встрече было то, что «толпа приветствовала партию за ее успехи» [16, с. 135]. Таким образом, М. И. Калинин был не только близким к народу – «своим в доску», но и олицетворял собой ВКП (б).

Насаждавшееся атеистическое мировоззрение давало свои плоды, однако за столь короткий в истории промежуток времени существования советской власти новые ценностные ориентиры среди представителей всех вероисповеданий невозможно было устойчиво привить, точно так же, как и опрокинуть и уничтожить старые религиозные традиции и устои.

24 января 1929 г. появляется подписанное Л. М. Кагановичем циркулярное письмо ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» [17, л. 1–2], в котором прямо указывалось, что «религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы». Таким образом, был четко определен главный враг, с которым партийным организациям надо вести непримиримую борьбу в ближайший период «социалистического строительства».

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» стало результатом определенной кодификационной работы, систематизации ранее изданного антирелигиозного законодательства. 20 октября

1929 г. на заседании Президиума ВЦИК РСФСР был утвержден перечень ранее существовавших нормативно-правовых актов, утративших свою силу в связи с введением в действие постановления от 8 апреля 1929 г. [18, л. 1] (Постановления Президиума ВЦИК РСФСР: от 13 июня 1921 г. «Об использовании здания культа группами верующих по договору и для других не богослужбных целей»; от 8 декабря 1921 г. «О разрешении производства сборов религиозными объединениями в пользу голодающих». Циркуляры Президиума ВЦИК: от 19 апреля 1923 г. № 02814 «О порядке разрешения дел по закрытию церквей и монастырей»; от 22 августа 1927 г. «О пользовании печатями и бланками»; от 22 августа 1927 г. № 260/с о недопущении особых привилегий для религиозных сектантских организаций по сравнению с другими организациями; от 11 февраля 1928 г. № 22/с «Разъяснение циркуляра ВЦИК от 22 августа 1927 г. № 260/с о недопущении особых привилегий для религиозных сектантских организаций по сравнению с другими организациями»).

12 апреля 1929 г. (на 4-й день после появления постановления «О религиозных объединениях») прошло заседание агитационно-пропагандистского отдела Нижневолжского крайкома ВКП (б), на котором отмечалось, что факт массового закрытия церквей в Нижневолжском крае уже имеет место. Отдел указал, что «неправильно», когда партийные органы дают директивы советским органам с требованием «о сплошном закрытии всех церквей», что, по мнению агитпропдела, «облегчает работу религиозников по распространению провокационных слухов». «Считать нецелесообразным закрытие в короткий промежуток времени пачками (15 церквей по Саратову), точно так же одновременное закрытие церквей перед Пасхой. Поручить Саратовскому окружному ВКП (б) наметить несколько церквей, подлежащих закрытию к 1 Мая, учитывая результаты массовой работы» [11, л. 10].

Итак, к выходу постановления «О религиозных объединениях» кампания закрытия церквей и молельных домов в Нижневолжском крае и, в частности в Саратовском округе, уже носила массовый характер, а ее инициаторами были местные партийные органы.

Данный факт подтверждают и документы Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП (б) (в 1922–1929 гг. – Комиссия по проведению декрета об отделении Церкви от государства), разработанные и принятые на ее заседании 23 мая 1929 г. Особое внимание привлекает разработанный комиссией проект циркулярного письма, который после заседания Е. М. Ярославский направил заведующему отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) А. И. Крилицкому (занимал эту должность с 03.05.1928 по 19.11.1929 гг.) с предложением рассмотреть проект на заседании оргбюро ЦК ВКП (б).

Лейтмотив заседания Антирелигиозной комиссии и содержание проекта протокола сводятся к тому, что партийные работники на местах часто недооценивают религиозность населения (в проекте она оценивается как 80%) и они закрывают церкви без учета общественного мнения. Имеют место случаи стрельбы по иконам, по толпе из ракет и другие перегибы на местах. Закрытие церквей и молитвенных домов происходит ненормально, хаотически, без соблюдения партийных и советских директив. Отношение к делу носит формальный характер, не обращается внимание на то, что «абсолютное большинство верующего населения настроено против закрытия... Ссылки на то, что против закрытия выступают лишь одни кулаки, нэпманы и попы не только неправильны, но и вредны, т. к. они нередко обостряют отношения с верующей массой, родственной нам по своему социальному положению» [19, л. 2].

В проекте циркулярного письма отмечалось, что в течение последних 4–5 мес., особенно начиная с кампании по перевыборам Советов, происходили волнения верующих на почве закрытия церквей, переходящие в вооруженные столкновения. В письме делается вывод о том, что нельзя подменять идеологическую борьбу с церковью административными мерами. Необходимо соблюдать осторожность в деле закрытия церквей в районах хлебозаготовок, так как перегибы могут привести к их срыву [19, л. 2–15].

Проект циркулярного письма был рассмотрен высшим руководством партии и принят к сведению. Сделать такой вывод дает основание издание 5 июня 1929 г. специальной директивы ЦК ВКП (б), обращенной ко всем ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам ВКП (б) за подписью секретаря ЦК ВКП (б) В. М. Молотова.

В указанное время в РСФСР проводилась реформа административно-территориального деления, поэтому кое-где еще существовали губернии, но в основном территория России была уже разбита на огромные по размерам края (например, уже упоминавшийся Нижневолжский край) и области, которые, в свою очередь, делились на округа. Подавляющее большинство автономных республик вошли в состав вновь образованных краев наравне с округами, имея, однако, при этом более высокий статус (АССР немцев Поволжья с 1928 по 1934 г. входила в Нижневолжский край, затем до 1937 г. – в Саратовский край).

В директиве в значительной части воспроизводится текст проекта циркулярного письма, подготовленного Антирелигиозной комиссией ЦК: «Многие партийные организации недооценивают численность верующего населения, степень его неизжитых религиозных суеверий» [20, л. 69.]. Основной акцент в документе сделан на усиление идеологической борьбы с религиозными предрассудками, недопустимость подмены ее адми-

нистративными мероприятиями и недопущение нарушения соответствующих советских законов.

Директива требовала осуществлять закрытие храмов только после проведения серьезной агитационной и антирелигиозной работы, при этом должны учитываться интересы всех слоев населения. В ней говорилось о недопустимости закрытия церквей, если это встречало недовольство со стороны значительной части местного населения из среды верующих, о том, что ни в коем случае недопустимы малейшие издевательства над верующими. Указывалось на необходимость учета общей политической обстановки в районе, ведения осторожной политики в деле закрытия церквей и молитвенных домов особенно в районах хлебозаготовок, так как неосторожность таких действий может привести к массовым недовольствам и активизации «определенных прослоек крестьянства» и как следствию – срыву поставок хлеба. В документе подчеркивалось, что за нарушение советских законов необходимо привлекать виновных к судебной и партийной ответственности, ликвидацию молитвенных домов, церквей, синагог, мечетей и костелов по мотивам неисполнения распоряжений о регистрации, по мотивам неуплаты налогов нужно прекратить. Кроме того, предписывалось запретить аресты по религиозным мотивам, если они не связаны напрямую с явной контрреволюционной деятельностью со стороны церковников и верующих. Все закрытые культовые сооружения необходимо использовать рационально: под антирелигиозные музеи, избы-читальни, библиотеки, клубы и другие культурно-массовые объекты [20, л. 69].

К сожалению, этот документ сыграл формальную роль и не оказал серьезного влияния на снижение радикализма антирелигиозной кампании. Летом и осенью 1929 г. на фоне развернувшейся сплошной коллективизации и в непосредственной связи с ней радикализм лишь усилился.

В одном из дел фонда Е. М. Ярославского хранится проект циркулярного письма ЦК ВКП (б) о закрытии церквей и протокол № 1 от 23 мая 1929 г. заседания Антирелигиозной комиссии ЦК по этому вопросу с правками Е. М. Ярославского [19, л. 8]. Документы он направил А. И. Криницкому, на полях протокола № 1 красными чернилами Ярославский просит Криницкого обсудить на заседании Оргбюро проект циркулярного письма, которое он прилагает [19, л. 2]. Там же, в деле хранится любопытная записка Ярославского Криницкому о том, что ее автор «в спешке послал Вам постановление АРК вместо циркулярного письма» [19, л. 8]. К сожалению, не удалось установить, переслал Ярославский Криницкому впоследствии подлинный текст циркулярного письма или нет. Но, поскольку в содержание директивы Молотова вошел текст постановления АРК, данный факт уже не имеет принципиального значения.

Представляется, что «ошибка» Ярославского все же носит не случайный характер. Как показывает сравнение двух документов, протокол Антирелигиозной комиссии, подготовленный Тучковым, Красиковым и Толмачевым, даже после редактирования Ярославским содержит более радикальные выводы и связанные с ними решения. Таким образом, Емельян Михайлович, возможно, пытался застраховать себя от попадания в число «отклонившихся от генеральной линии партии».

Итак, новое наступление на религию было связано с общим курсом советского руководства на «развернутое наступление социализма по всему фронту», включая сплошную коллективизацию. Первым шагом стало циркулярное письмо ЦК ВКП (б) от 24 января 1929 г., где все религиозные организации оценивались как единственно легальная контрреволюционная сила и ставилась задача непримиримой борьбы с ними. Законодательно новые отношения с церковью были закреплены в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», существенно усиливавшем дискриминацию церквей и верующих. Оба документа стали мощным импульсом к развязыванию массовой агрессивной антирелигиозной кампании, выразившейся главным образом в грубом и административном закрытии церковных храмов, мечетей и молельных домов. Та часть вышеназванных документов, где говорилось о необходимости кропотливой атеистической пропаганды и агитации, практически везде игнорировалась.

Предостерегающее циркулярное письмо ЦК ВКП (б) от 5 июня 1929 г. не сыграло своей роли. На фоне «бешеных темпов» сплошной коллективизации и в непосредственной связи с ней радикализм лишь усилился, что привело к массовому выступлению крестьянства, и это заставило центр смягчить свою политику как в отношении темпов коллективизации, так и изъятия храмов у верующих. В позднейших документах партийного и советского руководства проблема перегибов в антирелигиозной работе постоянно присутствует.

Одним из важнейших исполнителей агитационно-пропагандистской составляющей антирелигиозной кампании стал СВБ. Работа его организаций во многом не удовлетворяла центральное руководство, он подвергался постоянной критике за низкую эффективность своей деятельности. И все же, несмотря на множество недостатков в работе, СВБ сыграл значительную роль в разрушении религиозного мировоззрения, замене традиционной веры коммунистическим, зачастую эклектичным мировоззрением [1]. Власть смогла на территории Саратовского Поволжья к началу 1940-х гг. приостановить легальную деятельность всех конфессий, однако подавить религиозную жизнь не удалось. Она приняла полужурегальный

и нелегальный характер, шли процессы ее трансформации.

В результате настойчивой и постоянной пропаганды и агитации, реальных успехов в строительстве нового общества, особенно в экономике и социально-культурной политике, на смену старой религии и суевериям приходило коммунистическое мировоззрение, успех которого, особенно среди молодежи, в немалой степени объяснялся догматичностью и упрощенностью основных положений, что существенно сближало его с религией.

Список литературы

1. Яковлева Ж. В. «Марш отсюда... церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!»: Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.). Саратов : Техно-Декор, 2020. 252 с.
2. Покровская С. В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность : 1925–1947 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 195 с.
3. Коновалов Б. Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма : в 39 вып. Вып. 4 : Победы научно-атеистического мировоззрения в СССР за 50 лет / отв. ред. А. Ф. Акулов. М. : Мысль, 1967. С. 63–93.
4. Кочетова А. С. Роль Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме (ВЦИК) ЦИК СССР в разработке религиозного законодательства 1930-х гг. // Молодой ученый. 2011. № 9. С. 155–160.
5. Приказчикова О. Б. Деятельность постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 41–76.
6. Батченко В. С. Власть и вера: антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. СПб. : Петроглиф, 2019. 334 с.
7. Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении религии и церкви в деревне Северо-Запада России в конце 1920-х – 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2002. 249 с.
8. Союз воинствующих безбожников // Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1985. С. 240–241.
9. Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-522 (Нижневолжский краевой исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 3. Д. 166.
10. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55 (Нижневолжский крайком ВКП (б)). Оп. 1. Д. 111.
11. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113.
12. Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. Р-336 (Областной совет союза воинствующих безбожников (СВБ) народного комиссариата просвещения АССР НП). Оп. 1 о/д. Д. 1.
13. Очистить школу от классового врага // Поволжская правда. 1929. 23 апр. № 91.

14. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 89 (Фонд Е. Ярославского). Оп. 4. Д. 39.

15. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 132.

16. Мишин Г. А. Были города Покровска: краеведческие очерки. Саратов : Приволжское книжное издательство, 2001. 160 с.

17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5263 (Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК). Оп. 2. Д. 7.

18. ГИАИП. Ф. Р-336. Оп. 1 о/д. Д. 740.

19. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 125.

20. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 64.

Поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 30.06.2022